

Чи Ли был измотан до такой степени, что мысли путались, но остатки разума твердили ему: — Не здесь, пожалуйста, давай вернемся...

Услышав это, Сы Цзиньянь подхватил Чи Ли на руки и понес обратно в палату. К счастью, была ночь, и в больнице почти никого не осталось, однако, учитывая статус Сы Цзиньяня, редкие прохожие все равно замедляли шаг, с любопытством оглядываясь. Чи Ли не знал, куда деться: просить его опустить себя или остаться на руках было одинаково неловко. Мечтая лишь о том, чтобы провалиться сквозь землю, он крепче прижался к груди Сы Цзиньяня, пряча лицо.

Вернувшись в палату, Чи Ли от усталости дважды проваливался в сон, а когда проснулся, обнаружил, что Сы Цзиньянь и не думал отдыхать. Запах сандаловых феромонов в воздухе не только не рассеялся, но, казалось, становился лишь интенсивнее. Чи Ли, осознав происходящее, замер. Он схватил Сы Цзиньяня за плечи, пытаясь остановить его, и дрожащим голосом спросил: — У тебя начался период повышенной восприимчивости?

Сы Цзиньянь замер. Из-за разбалансировки феромонов он в последнее время почти каждый день жил в состоянии этого периода. — Похоже на то.

Чи Ли охватила паника. Вспомнив что-то, он почти со слезами в голосе прошептал: — Но я так устал... Когда это закончится?

В глубине глаз Сы Цзиньяня промелькнула едва заметная улыбка. Он нежно поцеловал Чи Ли в лоб: — Скоро все закончится.

В этот миг Чи Ли подумал, что если бы он действительно был омегой, то возненавидел бы альф всем сердцем.

Когда Чи Ли очнулся в следующий раз, они уже были в резиденции маршала. Сы Цзиньянь, все еще держа его на руках, только переступил порог дома. Вспомнив о чем-то, Чи Ли встревоженно оглядел себя: одежда была надета аккуратно. Он выдохнул с облегчением, хотя все тело ныло от боли и дискомфорта.

— Тебе стало лучше? — спросил он.

Сы Цзиньянь, не выпуская его из рук, направился в спальню: — Нет. Дома будет спокойнее.

Период восприимчивости у альф обычно длится около недели. Сказав это, Сы Цзиньянь поцеловал Чи Ли в щеку: — Прости, что утомил тебя.

Неизвестно почему, но у Чи Ли кружилась голова, а тело, помимо ноющей боли, охватила такая слабость, что он едва мог пошевелиться. Его бросало в жар, но рядом с Сы Цзиньянем это неприятное чувство немного отступало. Раз уж сбежать не удастся, придется смириться, подумал Чи Ли.

Спустя несколько дней состояние Сы Цзиньяня значительно улучшилось, период восприимчивости практически прошел. А вот Чи Ли, напротив, выглядел совсем увядшим. Когда Сы Цзиньянь работал в кабинете, Чи Ли следовал за ним. Сы Цзиньянь не выгонял его, и вскоре Чи Ли перестал даже спрашивать разрешения: просто молча заходил в кабинет и садился на маленький диванчик.

Устроившись на диване, Чи Ли лениво листал ленту на своем нейроинтерфейсе. В это время позвонил Цю Жуй, чтобы отчитаться о делах, связанных с предстоящим брачным союзом. Сы Цзиньянь не стал просить Чи Ли уйти, и тот, наострив уши, принялся слушать разговор.

Цю Жуй докладывал, что вопрос с браком окончательно утвержден Императором, и королевская семья уже собирается отправить приданое принцессы в Резиденцию маршала. Он хотел узнать, какие распоряжения отдаст Сы Цзиньянь. По этому вопросу маршал до сих пор хранил молчание, что означало его нежелание идти на сделку, но Император был настроен решительно, видимо, полагая, что Сы Цзиньянь не посмеет отказать ему в такой просьбе.

Сы Цзиньянь помолчал некоторое время, а затем ответил: — Если этот брак поможет им успокоиться, пусть будет так.

Цю Жуй ответил, что понял его. У Чи Ли внутри все сжалось. Он надеялся, что Сы Цзиньянь откажется, но, подумав, признал, что при нынешнем положении маршал действительно оказался в безвыходной ситуации. Этот звонок, в сочетании с предыдущими событиями, лишь подтверждал, что Император не доверяет Сы Цзиньяню, и между ними существует глубокая трещина.

Пока Чи Ли пытался осмыслить услышанное, он рассеянно слушал дальнейшие отчеты Цю Жуя. В груди разливалась странная, тягучая боль. Когда звонок завершился, Сы Цзиньянь бросил взгляд на Чи Ли. На самом деле, сам брак его не заботил — для него это была лишь политическая игра, еще одна пешка на доске. Он прекрасно понимал намерения Императора: тот боялся, что маршал выйдет из-под контроля, и хотел накинуть на него еще одну цепь. С тех пор как вззошел новый Император, Сы Цзиньянь был вынужден идти на множество жертв из-за его недоверия.

Заметив, что Сы Цзиньянь смотрит на него, Чи Ли, полулежа на диване, моргнул. После того как он помог маршалу пережить период восприимчивости, он постоянно чувствовал слабость, апатию и сонливость, хотя до следующего приема маскирующего препарата омеги было еще далеко. Чи Ли решил, что это просто последствия сильного переутомления.

Сы Цзиньянь, заметив состояние Чи Ли, спросил: — Устал?

Чи Ли протянул к нему руки, и в его голосе прозвучала неприкрытая лень: — Хочу спать.

— Хочешь пойти в спальню? — уточнил Сы Цзиньянь.

Чи Ли лениво покачал головой: — Не хочу.

В ту неделю, боясь, что Чи Ли будет плохо, Сы Цзиньянь постоянно выпускал успокаивающие феромоны. Это действительно помогало. В последние дни периода восприимчивости Чи Ли был настолько измотан, что у него не оставалось сил даже говорить или шевелить пальцами. Когда ему становилось совсем плохо, он начинал тихонько поскуливать, и Сы Цзиньянь обнимал его, баюкая, как ребенка.

Сы Цзиньянь подошел к дивану, взял Чи Ли на руки и вернулся к рабочему столу. Чи Ли устроился верхом на коленях у Сы Цзиньяня, обнял его за пояс и, уткнувшись лицом в плечо, вдыхал слабый сандаловый аромат успокаивающих феромонов.

Вскоре голова Чи Ли стала еще тяжелее, словно налилась свинцом. Сквозь туман в сознании всплыли слова Сы Цзиньяня. Королевский брак — это узы на всю жизнь, особенно для человека в положении Сы Цзиньяня: ни расторгнуть, ни развестись. Женится Сы Цзиньянь или нет — не имело к Чи Ли никакого отношения, ведь он в любом случае рано или поздно уйдет. Но сейчас внутри все болезненно ныло. Возможно, дело было в высокой совместимости их феромонов, а может, в том, что Сы Цзиньянь спас его, и теперь Чи Ли не хотелось видеть, как тот так легко связывает свою жизнь с другим человеком.

С этой мыслью он спросил: — Ты правда собираешься согласиться на этот брак?

Сы Цзиньянь, перелистывавший бумаги, замер. Он успокаивающе погладил Чи Ли по спине, но ничего не ответил.

Чи Ли понимал, что ответа не добьется. Вечером, когда Сы Цзиньянь принял душ и стоял у кровати, снимая халат, Чи Ли заметил шрам у него на плече. Спина Сы Цзиньяня была испещрена множеством старых и новых следов от ран. Чи Ли коснулся этого нового шрама, и в груди снова разлилась беспричинная тоска.

Почувствовав прикосновение Чи Ли, Сы Цзиньянь, ложась в постель, перехватил его руку: — Что такое?

Чи Ли опустил голову, и Сы Цзиньянь видел лишь его макушку. Спустя мгновение раздался приглушенный голос: — Не хочу, чтобы ты женился.

Сы Цзиньянь заметил, что с самого обеда настроение у Чи Ли было подавленным. На самом деле, Чи Ли и сам понимал, что ведет себя странно, но позволил этим эмоциям взять верх. Сы Цзиньянь нежно приподнял его подбородок, заглядывая в лицо, и в его глазах промелькнула беспомощность: — Чи Ли, это не то, во что тебе стоит вмешиваться.

Глубокий взгляд Сы Цзиньяня, казалось, проникал в самую душу, и сердце Чи Ли пропустило удар. Чувствуя, как он загнан в угол, Чи Ли в растерянности опустил глаза, пряча замешательство: — Я знаю.

Сы Цзиньянь отпустил его. В тот момент, когда Чи Ли склонил голову, маршал вздохнул, осторожно обнял его и похлопал по спине: — Спи.

На следующее утро, когда Чи Ли проснулся, Сы Цзиньянь уже ушел. Глядя на пустую комнату, Чи Ли почувствовал облегчение: ему не нужно было встречаться с Сы Цзиньянем после вчерашних слов и странного поведения. Но во время завтрака внизу живота внезапно разлился жар, сопровождаемый чувством тревоги.

Когда Сы Цзиньянь, получив звонок от дворецкого, вернулся домой, уже наступил вечер. Дворецкий поднялся в комнату, чтобы позвать Чи Ли к ужину, но обнаружил, что дверь заперта изнутри. На все его окрики из комнаты не донеслось ни звука. Дворецкий испугался, что с Чи Ли что-то случилось, и немедленно позвонил Сы Цзиньяню.

Сы Цзиньянь выбил дверь. Как только он переступил порог, его буквально захлестнула волна феромонов. Чи Ли сжался на кровати, плотно закутавшись в одеяло, но это не могло остановить выброс феромонов. Его тело горело, сознание затуманилось, дышать становилось все труднее.

С ним никогда не случалось ничего подобного во время периода восприимчивости альфы. Остатки разума твердили Чи Ли, что это ненормально, что нельзя позволить Сы Цзиньяню увидеть это, нельзя позволить ему раскрыть тайну его личности.

<http://bllate.org/book/22114/2302044>